

Учитывая изложенное, представляется целесообразным включить в систему органов дознания Государственную инспекцию охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, дополнив ч. 1 ст. 37 УПК «Органы дознания» п. 11 в следующей редакции: «Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 277, 281, 282 Уголовного кодекса Республики Беларусь».

УДК 343.123.3

И.В. Данько

ПРИМИРЕНИЕ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В реформировании законодательства Республики Беларусь важное место занимает совершенствование норм Уголовно-процессуального кодекса. Дополнительный импульс этой работе придало образование Следственного комитета, уголовно-процессуальные основы деятельности которого нашли отражение в законе от 13 декабря 2011 г. Указанный нормативный правовой акт внес существенные коррективы в действующий УПК, призванные по-новому регламентировать компетенцию прокурора, начальника следственного подразделения, следователя, органа дознания. В значительном массиве поправок, обусловленных необходимостью законодательного регулирования процессуальной деятельности вновь созданного ведомства, как-то незамеченным осталось изменение, внесенное в п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК. Данная норма предусматривала обязанность прекращения производства по делам частного обвинения за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым. В новой редакции словосочетание «по делам частного обвинения» исключено, что влечет обязательность прекращения производства по любому уголовному делу, в том числе публичного обвинения, в случае примирения потерпевшего с обвиняемым.

Очевидно, приведенная новелла характеризует преобладающую в последнее время тенденцию расширения частных начал в уголовном процессе, стремление сделать потерпевшего активным субъектом уголовно-процессуальных отношений, влияющим на их возникновение, изменение и прекращение. По словам Е.В. Пахомовой, ориентация на потерпевшего объясняется «потребностью в приоритетной охране интересов личности перед охраной государственных либо общественных интересов, поскольку в правовом государстве должны быть созданы всеобъемлющие гарантии личности от излишнего вмешательства государства в частную сферу, в том числе и в сферу уголовного судопроизводства» [1, с. 190]. Однако даже яркие приверженцы института примирения сторон в уголовном процессе прекращение производства по делу по данному основанию связывают с определенными условиями: исчерпывающим перечнем преступлений, как правило, не представляющих большой общественной опасности или менее тяжких, совершением их впервые и др.

Полагаем, белорусский законодатель в своем желании создать так называемые альтернативные формы разрешения уголовно-правовых конфликтов перестарался, возведя примирение пострадавшего от преступления с обвиняемым без каких-либо ограничений в ранг обстоятельства, исключающего производство по уголовному делу, а именно так называется ст. 29 УПК. По ее смыслу теперь независимо от совершенного преступления в случае заявления, например, потерпевшим, защитником ходатайства о прекращении производства по делу в связи с документально подтвержденным примирением с обвиняемым следователь, прокурор, суд обязаны прекратить производство по делу. Таким образом, п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК в нынешней редакции представляет собой безусловное основание для прекращения производства по уголовному делу.

Нетрудно предположить последствия применения этой нормы: ухудшение криминогенной обстановки, возрастание власти денег, озлобленность одних и вседозволенность других. По мнению А.П. Анисимова, «введение такой практики непременно приведет к снижению эффективности уголовно-правового регулирования общественных отношений и сделает общество заложником пострадавших от преступления лиц, проявляющих „милосердие“, руководствуясь своими материальными интересами. Как следствие, это приведет к росту умышленных преступлений, так как, планируя преступление, злоумышленник будет заранее рассчитывать не только на то, что оно останется нераскрытым, но еще и на то, что в случае изобличения он сможет легально откупиться от уголовного наказания» [2, с. 44].

Не вторгаясь глубоко в морально-нравственные аспекты обозначенного вопроса, хотелось бы обратить внимание на его правовую сторону, заключающуюся в недостаточной продуманности рассматриваемых изменений, влекущих ряд серьезных противоречий, которые, хочется надеяться, будут препятствовать реализации п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК на практике.

Следует отметить, что в новой редакции анализируемое основание прекращения производства по делу диссонирует с закрепленным в ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса принципом неотвратимости уголовной ответственности. При этом ч. 4 указанной статьи предусматривает, что освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных Уголовным кодексом, ст. 89 которого устанавливает, во-первых, право, а не обязанность прекращения производства по делу за примирением потерпевшего с обвиняемым, загладившим причиненный преступлением вред, во-вторых, такую возможность только при совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, или совершении менее тяжкого преступления впервые. В этой связи справедливо утверждение В.П. Божьева о том, что «установление материально-правовых оснований освобождения от уголовной ответственности – прерогатива уголовного права» [3, с. 57], а возникшие коллизии необходимо решать, основываясь на правилах Уголовного кодекса.

Примечательно, что п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК в нынешнем варианте идет вразрез не только с требованиями Уголовного кодекса, но и с рядом норм УПК, порождая тем самым непоследовательность и внутреннюю несогласованность юридических предписаний правового акта.

Так, ч. 1 ст. 30 УПК, как и уголовный закон, устанавливает не императивный, а дискреционный характер полномочий суда, прокурора, следователя с согласия прокурора на прекращение производства по уголовному делу в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, обставляя их условиями, содержащимися в ст. 89 УК. Более того, исключив в п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК фразу «по делам частного обвинения», законодатель не сделал этого в ст. 43 и 50 УПК, регламентирующих правовое положение соответственно обвиняемого и потерпевшего, которые, как и прежде, могут примириться только по делам частного обвинения.

В завершение идеологам различного рода «уголовно-правовых компромиссов» не помешает напомнить о конституционном принципе уголовного процесса, закрепленном в ст. 20 УПК, ч. 2 которой провозглашает, что «производство по материалам и уголовному делу осуществляется на основе равенства граждан перед законом независимо от их... имущественного положения...».

1. Пахомова Е.В. Примирение с потерпевшим как условие освобождения от уголовной ответственности // О-во и право. 2009. № 1 (23).

2. Анисимов А.П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10.

3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьева. М., 2002.